

М.И. Венюков

**Путешествия по окраинам
русской Азии и записки о них**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М11

М11 **М.И. Венюков**
Путешествия по окраинам русской Азии и записки о них / М.И. Венюков – М.:
Книга по Требованию, 2021. – 532 с.

ISBN 978-5-458-09909-7

Сочинение М. Венюкова, д. ч. Русского географического общества. Санкт-Петербург : типография Императорской Академии наук, 1868.

ISBN 978-5-458-09909-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОБОЗРѢНІЕ РѢКИ УСУРИ И ЗЕМЕЛЬ КЪ ВОСТОКУ ОТЪ НЕЯ ДО МОРЯ.

Въ концѣ 1857 года, съ полученіемъ въ С.-Петербургѣ извѣстія объ открытіи на западномъ берегу Японскаго моря заливовъ Св. Владиміра и Ольги, рѣшено было открыть сообщеніе съ этими мѣстностями отъ Амура по р. Усури, которой верховья должно было предполагать по близости моря и именно невдалекѣ отъ той его части, гдѣ, по наблюденіямъ на пароходѣ «Америка», лежитъ Владимірскій портъ.

Въ то же время генераль-губернатору Восточной Сибири угодно было изъяснить намѣреніе командировать меня съ этою цѣлью на рѣку Усури, почему я и счелъ долгомъ немедленно заняться собраніемъ и изученіемъ источниковъ, какіе только существуютъ для географіи этой далекой и малоизвѣстной страны, и озаботиться доставленіемъ тѣхъ изъ нихъ въ Иркутскъ, которые можно было достать только въ богатой учеными средствами столицѣ. Между всѣми этими матеріалами особенное вниманіе мое обращали на себя «Путешествіе»

Лаперуза и Броутона, такъ какъ они оба были до послѣдняго времени единственными мореплавателями, обозрѣвавшими берега юговосточной Маньчжуріи. Хотя сравненіе ихъ опредѣленій и картъ съ болѣе новыми трудами Русскихъ морскихъ офицеровъ и заставило меня предполагать въ обоихъ сочиненіяхъ ошибки относительно опредѣленія астрономическихъ пунктовъ, особенно по долготѣ; но я ознакомился изъ нихъ съ природою береговой полосы, характеромъ ея мѣстности и отчасти произведеній, климатомъ и даже составомъ населенія, какое могъ встрѣтить при концѣ моего пути. Переписка Лаперуза съ морскимъ министромъ Франціи и другими лицами имѣла особенно высокую занимательность для меня въ этомъ отношеніи и подавала надежду, что я встрѣчу между туземцами верхней части Усури людей добрыхъ, простыхъ и радушныхъ, что должно было имѣть очень не малую важность, особенно въ томъ случаѣ, еслибъ айгунскій тракта не открылъ мнѣ пути по Усури, какъ по русской рѣкѣ Все, относящееся до пребыванія Лаперуза и Броутона въ широтахъ между 40° — 50° , было мною переведено и составило часть того собранія матеріаловъ, которое сопутствовало мнѣ неизмѣнно во все время моего путешествія.

По счастливому стеченію обстоятельствъ, въ бытность мою въ С.-Петербургѣ, я имѣлъ честь пріобрѣсти знакомство нашего извѣстнаго ориенталиста профессора Васильева. Его благородному содѣйствію я обязанъ вторымъ важнымъ матеріаломъ для моихъ подготовитель-

ныхъ работъ. Переведя съ Китайскаго языка часть официальнаго описанія Маньчжуріи и именно то, что касается до большихъ рѣкъ, впадающихъ въ Амуръ, г. Васильевъ благосклонно сообщилъ мнѣ свою рукопись и даже позволилъ оставить у себя описаніе Усури. Топографическій очеркъ этотъ, въ точности котораго я потомъ имѣлъ случай убѣдиться, былъ для меня важнѣйшемъ руководителемъ во все время моихъ приготовительныхъ занятій, какъ и во время самаго плаванія по рѣкѣ. Составленное со всею мелочностью, однообразіемъ и безцвѣтностію китайскихъ официальныхъ сочиненій, описаніе это имѣетъ однако же несомнѣнное достоинство хорошаго *guide de voyageur*, такъ что отстраняетъ возможность грубыхъ ошибокъ въ расчетѣ времени и въ опредѣленіи своего мѣста даже въ томъ случаѣ, если не имѣешь при себѣ путеводной магнитной стрѣлки. Конечно, оно не лишено нѣкоторыхъ промаховъ, даже повидимому сочинено по картѣ и не даетъ понятія о свойствахъ рѣчныхъ береговъ, быстротѣ теченія и другихъ важныхъ при плаваніи предметахъ, но правильно обозначаетъ направленіе рѣки и нѣкоторыя черты окружающей мѣстности. Немногія ошибки этого важнаго географическаго источника будутъ указываемы всякій разъ, когда того потребуетъ надобность

Съ китайскою географіею вполне согласна карта Д'Анвила, приложенная къ IV тому Дю-Гальдова: «*Description de la Chine et de Tartarie Chinoise*». Позволительно даже думать, что именно эта карта или данныя, по которымъ она составлена, т. е. съемки іезуитовъ въ

первой четверти XVIII столѣтія, были главнымъ источникомъ, по которымъ сочинена глава Шуй-дао-тигана объ Усури, переведенная г. Васильевымъ. По крайней мѣрѣ всѣ ошибки карты совершенно повторены въ описаніи, или на-оборотъ. Труды іезуитовъ, какъ ни устарѣли они, имѣютъ высокую цѣну. Не смотря на то, что въ картахъ, составленныхъ по нимъ, земли, прибрежныя Японскому морю, совершенно обезображены въ своемъ очертаніи отнесеніемъ береговой линіи болѣе, чѣмъ на 5 градусовъ къ востоку, во всемъ, что касается до Усури, онѣ и донынѣ остаются первымъ основаніемъ географическихъ познаній нашихъ. Какъ ни страннымъ можетъ показаться, но позволительно думать, что нѣкоторыя новыя опредѣленія, — напр. устье въ Нора, сдѣланное въ 1855 году, — должны считаться мѣнѣе точными, чѣмъ тѣ численныя данныя о долготѣ и широтѣ, которыя собраны въ концѣ изданія Дю-Гальда и на основаніи которыхъ построена Д'Анвилева карта. Соображая теперь ходъ моей собственной работы, я полагаю, что если въ опредѣленіяхъ долготы и широты іезуитами сдѣланы нѣкоторыя ошибки, то очень небольшія, простирающіяся по параллельнымъ кругамъ лишь на нѣсколько минутъ, а по меридіанамъ даже секундъ. Будущимъ изслѣдователямъ, снабженнымъ хорошими астрономическими снарядами, предстоитъ рѣшить, каково именно точное положеніе различныхъ пунктовъ по рѣкѣ Усури и на сколько ошибались дѣятели XVIII столѣтія. *)

*) См. Приложение I-ое.

Благосклонному вниманію и горячему сочувствію къ дѣлу, мнѣ порученному, члена Морскаго-Ученаго-Комитета, контръ-адмирала Г. И. Невельскаго, я обязанъ также очень важнымъ запасомъ свѣдѣній, которыя имѣлъ предварительно объ Усури и ея протокахъ, а равно и о путяхъ, ведущихъ черезъ горы къ берегамъ морскимъ. Въ бытность свою начальникомъ края, тогда только что возраждавшася къ новой жизни, его превосходительство собралъ отъ прибрежныхъ жителей Амура много распросныхъ свѣдѣній объ Усури, цо которымъ и была составлена небольшая карта или лучше очеркъ (esquisse) всей мѣстности на востокъ отъ низовьевъ Сунгари и пограничной съ Кореею гавани Посѣта. Показанія Мангунцевъ и Гольдовъ оказались большею частію вѣрными. Даже въ мелочахъ, напр. въ опредѣленіи числа гольдскихъ семействъ, живущихъ на оз. Кенка или Хинькай, не сдѣлано ошибки. Такъ какъ свѣденія, сообщенныя мнѣ к.-адмир. Невельскимъ, имѣли все достоинство близкой современности, то не трудно понять, почему мои проводники нерѣдко удивлялись, откуда я знаю такія подробности, которыя по видимому требуютъ личнаго обозрѣнія мѣста.

Любопытный источникъ для ознакомленія съ низовьями Усури составляла записка о нихъ г. Максимовича *), проникшаго до устьевъ р. Нора лѣтомъ 1855 года. Какъ естествоиспытатель, г. Максимовичъ обратилъ

*) Г. Максимовичъ былъ снова на Усури въ 1860 г. Любопытныя и важныя для науки изслѣдованія его объ этомъ краѣ будутъ мѣстами указаны ниже, въ особыхъ выносахъ.

главное вниманіе на природу и произведенія страны; но онъ коснулся также и быта населенія, его состава и распредѣленія. Конечно, свѣдѣнія, сообщенныя г. Максимовичемъ, относились не ко всему протяженію моего пути; но они были важны тѣмъ, что представляли свидѣтельство единственнаго человѣка, обозрѣвавшаго Усусри въ новое время, свидѣтельство, которое мнѣ служило опорною точкою для оцѣнки другихъ источниковъ. Я говорю, что записка г. Максимовича была единственнымъ трудомъ очевидца, мнѣ извѣстнымъ, потому-что подлинное письмо Де-ла-Брюньера, плававшего по Усусри за 10 лѣтъ до русскихъ ученыхъ и на бѣльшемъ протяженіи, чѣмъ они, къ сожалѣнію осталось мнѣ недоступнымъ по неимѣнію въ Иркутскѣ ни одного изъ двухъ специальныхъ изданій, въ которыхъ оно было помѣщено («*Annales de la propagation de la foi*» и «*Nouvelles Annales des voyages*»). Извлеченіе изъ письма Де-ла-Брюньера, сдѣланное въ I-мъ томѣ перевода Риттеровой «*Азіи*», равно какъ и въ одномъ изъ изданій нашего Географическаго Общества, безъ сомнѣнія было мнѣ извѣстно; но оно касается только подробностей о бытѣ жителей и вовсе умалчиваетъ о характерѣ пройденной Де-ла-Брюньеромъ мѣстности. Равнымъ образомъ и о путешествіи миссіонера Вено я имѣлъ самыя отрывочныя свѣдѣнія. Нынѣ, послѣ личнаго ознакомленія съ краемъ, я имѣю право особенно жалѣть о потерѣ бумагъ несчастнаго Де-ла-Брюньера, потому-что миссіонеръ этотъ, какъ свидѣлствуютъ жители, вель съемку и конечно могъ собрать много интересныхъ данныхъ для орогра-

фіи и гидрографіи страны, потому-что былъ хорошо знакомъ съ языкомъ ея обитателей и ихъ нравами.

Послѣ исчисленія этихъ главныхъ трудовъ, на которыхъ основывалъ я свое подготовленіе къ плаванію по Усури, должно упомянуть и о другихъ матеріалахъ, какіе мнѣ представлялись. Изъ всѣхъ Европейскихъ картъ Маньчжуріи у меня были подъ руками Вейланда, Бергхауза и отца Іакинѳа *). Три источника эти, взаимно пополняя и исправляя, не были однакожъ достаточными для разрѣшенія многихъ сомнѣній, которыя остаются отчасти во мнѣ и теперъ, за невозможностію самому лично убѣдиться во всемъ. На картѣ Бергхауза напр. съ большою подробностію нанесенъ весь морской берегъ отъ полу-острова Кореи до Татарскаго пролива; но какую достовѣрность имѣетъ это очертаніе, я опредѣлить не могу, потому-что на всемъ протяженіи 8 или 10 град. широты у Бергхауза нѣтъ ни одного названія **). Даже бухты Тернай и Сюфрэнъ, которыхъ описаніе и астрономическія координаты находятся въ путешествіи Лаперуза, не отличены названіями, такъ что съ трудомъ узнаешь ихъ въ двухъ небольшихъ заливахъ, и то не

*) По возвращеніи моемъ въ Иркутскъ я узналъ отъ контръ-адмирала Кузнецова о существованіи печатной англійской морской карты Маньчжурскаго берега сдѣланной Англичанами во время войны съ нами. Экземпляръ этой карты мнѣ удалось найти въ Гидр. Деп. Морск. Мин., и я много жалѣю, что не имѣлъ свѣдѣній объ ней прежде.

**) Теперъ точныя съемки западнаго берега Японскаго моря сдѣланы русскими офицерами и показываютъ неосновательность очертаній карты Бергхауза. (1863.)

навѣрное. На картѣ Вейланда обозначены обѣ эти бухты, равно какъ и прибрежныя рѣки; но малый масштабъ чертежа дѣлаетъ его почти безполезнымъ. Карта отца Іакина, равно какъ и рукописная, снятая съ Китайскаго оригинала, карта г. Ладыженскаго имѣютъ въ географическомъ отношеніи слишкомъ мало достоинства по небрежности, съ какою сдѣланы, и потому не могли мнѣ служить руководствомъ. Небольшая копія съ послѣдней хотя и сопутствовала мнѣ все время на Усури, но была совершенно безполезна и послужила только къ большому убѣжденію, что данными Китайской картографіи надобно пользоваться какъ можно менѣе, даже если бы они служили только для пополненія другихъ.

Старинныя извѣстія о приусурійскомъ краѣ, обработанныя отцемъ Регисомъ у Дю-Гальда (*Description de pays des Mantchoux*) и географическія указанія, находящіяся въ «Статистикѣ Китайской Имперіи» отца Іакинфа, были мною рассмотрѣны и сличены съ другими источниками; но вообще они очень кратки и поверхностны. Гораздо обстоятельнѣе ихъ, особенно для уразумѣнія настоящаго положенія обитателей страны, свѣдѣнія, разработанныя профессоромъ Васильевымъ и собранныя г. Семеновымъ въ переводѣ Риттерова «Землевѣдѣнія». Прекрасныя страницы записокъ У-ченя, переведенныя г. Васильевымъ, заслуживаютъ особеннаго вниманія по добросовѣстности разсказа и поэтически-вѣрному изложенію. Еслибъ подобные источники существовали для этнографіи всей страны отъ береговъ Аргуни и Амура до Тихаго океана, то Маньчжурія была

бы въ этомъ отношеніи гораздо болѣе извѣстна, чѣмъ напр. западныя провинціи собственно-Китая, восточный Туркестанъ, за-Гангскій полуостровъ Остъ-Индіи и другія страны, съ которыми она имѣетъ теперь равно-бѣдную географію. Мнѣ осталось неизвѣстнымъ сочиненіе доктора Плата о народахъ Маньчжуріи, а потому всѣ предварительныя свѣдѣнія о приусурійскомъ населеніи были заимствованы мною изъ трудовъ гг. Васильева, Максимовича, о. Региса, Іакинае и Лаперуза.

Предположеніе объ осмотрѣ рѣки Усури и пути отъ нея верховьевъ къ морю было сдѣлано въ такое время, когда мы хотя стояли твердою ногою въ приамурскомъ краѣ, но не приобрѣли еще права проникать свободно въ страну, которую китайское правительство, хотя и безъ большаго основанія, съ давнихъ временъ считало своею. Поэтому легко было ожидать не малыхъ затрудненій со стороны подозрительныхъ Китайцевъ и Маньчжуръ и опасаться, что дѣла нельзя будетъ привести къ концу. Отчасти, конечно, эти затрудненія привелось испытать и теперь; все-таки айгунскій договоръ много облегчилъ мнѣ ходъ занятій, потому-что доставилъ формальное право плавать по рѣкѣ и, въ случаѣ нужды, быть настойчивымъ и болѣе смѣлымъ въ сношеніяхъ съ Маньчжурами и Китайцами. Черезъ это же самое, конечно, терялось и много поэзіи въ существѣ предпріятія; но зато оно выигрывало относительно положительныхъ данныхъ къ успѣху. Для безпрепятственности плаванія мнѣ былъ выданъ, по приказанію г. генераль-губернатора Восточной Сибири особой « листь » на Маньчжурскомъ

языкъ, гдѣ указывалось на мое официальное значеніе и требовалось содѣйствіе и даже помощь со стороны мѣстныхъ китайскихъ властей. «Листъ» этотъ, впрочемъ, мнѣ пришлось предъявить всего однажды, именно на устьяхъ Нимани; въ остальныхъ же мѣстахъ вездѣ слишкомъ хорошо знали о нашемъ прибытіи, потому-что начальникъ маньчжурскаго караула на устьяхъ Усури, узнавъ о моемъ назначеніи, немедленно далъ знать о насъ по всему протяженію этой рѣки. По завѣтному обыкновенію, Маньчжуры не упустили случая распорядиться, чтобъ намъ никто не смѣлъ содѣйствовать въ чемъ-либо и особенно сопровождать насъ; но къ счастью, уваженіе, которымъ пользуется надалекое пространство въ Восточной Азіи имя Русскихъ и, быть можетъ, отчасти ласковое и дружеское обращеніе съ мѣстными жителями насъ самихъ, расположило на столько въ нашу пользу туземцевъ, что мы вездѣ встрѣчали, особенно у Гольдовъ, радушіе и, хотя скрытое, расположеніе къ намъ. Возвратный путь отъ береговъ морскихъ къ Амуру убѣдилъ даже меня, что Гольды благословляютъ судьбу за то, что наконецъ на Усури появились Русскіе, столь умѣющіе владѣть подчиненными имъ инородцами безъ отягченія ихъ участи и уже давно ожидаемые тамъ, какъ избавители отъ жестокаго ига Маньчжуровъ.

Составъ экспедиціи, мнѣ порученной, по самому назначенію ея былъ очень немногочисленъ. Одинъ заурядъ-офицеръ, какъ начальникъ команды, одинъ переводчикъ гольдскаго языка, моя прислуга и двѣнадцать казаковъ — таковы были мои спутники. Предполагалось